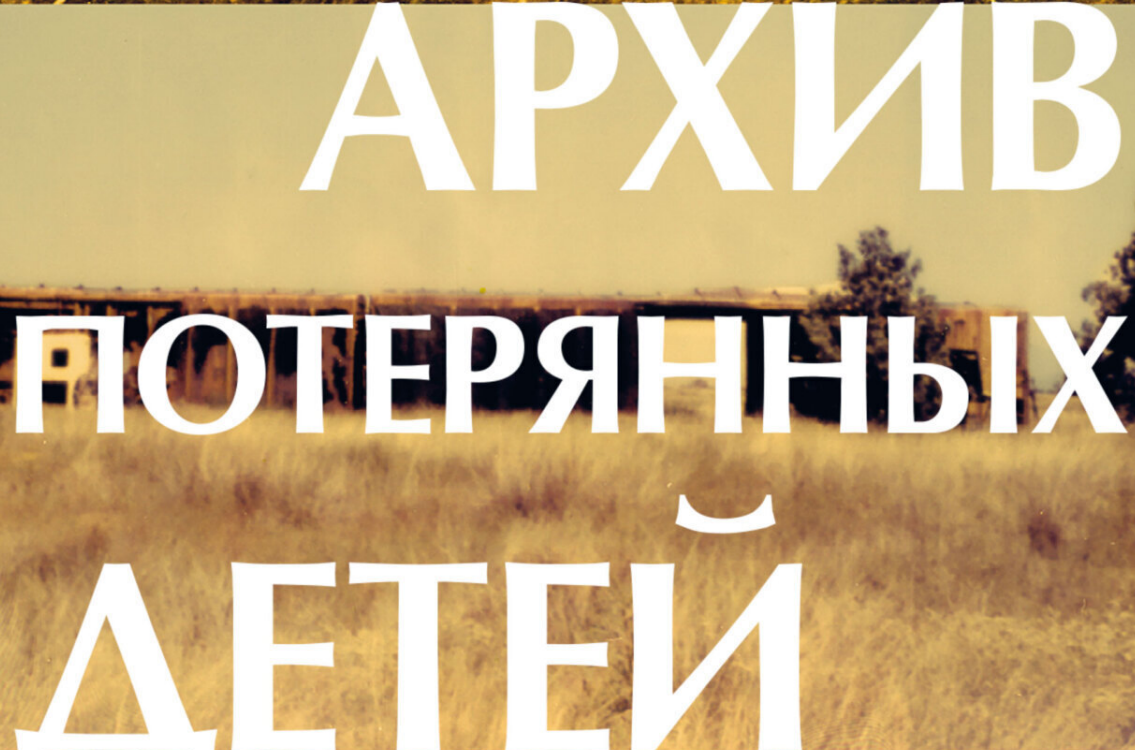

Валерия Луиселли

перевод Елены Лалаян

АРХИВ ПОТЕРЯННЫХ ДЕТЕЙ

МИО

МИФ Проза

Валерия Луиселли

Архив потерянных детей

«Манн, Иванов и Фербер»

2019

УДК 82-311.2
ББК 84(7Сое)6-443

Луиселли В.

Архив потерянных детей / В. Луиселли — «Манн, Иванов и Фербер», 2019 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195623-5

Мать, отец, сын и дочь отправляются в роуд-трип из Нью-Йорка в Аризону. Их пункт назначения – Апачерия, место, которое апачи когда-то называли домом. Но грандиозное путешествие прерывают печальные новости по радио: тысячи детей-иммигрантов потерялись в пустыне при попытке пересечь юго-западную границу США. Грядет перелом – как в стране, так и в судьбе семьи... Рассказанный несколькими голосами, сочетающий в себе слова, звуки и образы, «Архив потерянных детей» представляет собой образец литературной виртуозности. Это история о том, как мы документируем свой опыт и запоминаем то, что для нас важнее всего. Она погружает нас в жизнь одной семьи, рождая сочувствие и исследуя природу справедливости и равенства в наше время. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.2

ББК 84(7Сое)6-443

ISBN 978-5-00-195623-5

© Луиселли В., 2019

© Манн, Иванов и Фербер, 2019

Содержание

Часть I. Семейный звуколандшафт	6
Переселения	6
Коробка I	27
Маршруты и корни	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерия Луиселли

Архив потерянных детей

Original title:
Lost Children Archive

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2019 Valeria Luiselli

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2023

* * *

Майе и Дилану, заново открывшим мне детство

Часть I. Семейный звуколандшафт

Переселения

Архив изначально предполагает наличие архивариуса, чья задача собирать и систематизировать.

Арлетт Фарж

Уехать означает немножко умереть.

Приехать никогда не означает приехать окончательно.

Из молитвы мигранта

ОТЪЕЗД

Раскрыв навстречу солнцу рты, они спят. Мальчик и девочка, на лбах бисеринки пота, на покрасневших щеках белесые разводы засохшей слюны. Они занимают собой все пространство заднего сиденья, они разметались во сне, руки-ноги широко раскинуты, отяжелевшие и безмятежные. Со своего пассажирского сиденья я то и дело оборачиваюсь проверить, как они, потом разворачиваюсь и снова сосредоточенно изучаю карту. Мы ползем в тягучем, как лава, потоке машин на выезде из города через мост Джорджа Вашингтона и вливаемся в движение по федеральной автостраде. Над нами в вышине летит самолет, оставляя длинную ровную борозду в безоблачной сини небес. За рулем мой муж, он поправляет шляпу и тыльной стороной ладони оттирает лоб.

СЕМЕЙНЫЙ ЛЕКСИКОН

Не знаю, что муж и я скажем каждому из наших детей, когда придет время. Как не уверена в том, какие части нашей истории каждый из нас решит изъять из общей канвы или перемонтировать для их ушей, а какие на время отложить и вставить уже в окончательную версию, хотя изъятия, перестановки и монтаж звуков, пожалуй, точнее всего характеризуют занятие, которым мы с мужем зарабатываем на жизнь. Но дети все равно спросят, потому что дети всегда спрашивают. И нам потребуется рассказать им, с чего все начиналось, как развивалось и чем закончилось. Потребуется выдать им внятную историю, как все было.

Вчера, как раз накануне нашего отъезда из Нью-Йорка, мальчику исполнилось десять лет. Мы не подкачали с подарками. Тем более что на сей счет он высказался очень ясно и категорично.

Никаких игрушек.

Девочке пять, и она уже несколько недель изводит нас вопросами, вполне себе настойчиво:

А мне когда исполнится шесть?

Что бы мы ни говорили, наши ответы она неизменно находит неудовлетворительными. И потому мы обычно отделяемся чем-нибудь неопределенно-уклончивым вроде:

Уже скоро.

Через несколько месяцев.

И оглянуться не успеешь.

Девочка – моя родная дочь, а мальчик – родной сын мужа. Я прихожусь биологической матерью одной и мачехой другому, но по факту я в общем и целом мама им обоим. Соответственно, мой муж приходится отцом одному и отчимом другой, но в общем и целом он для обоих папа. Таким образом, друг другу и нам девочка и мальчик приходятся: сводной сестрой, сыном, падчерицей, дочерью, сводным братом, сестрой, пасынком и братом. Обилие этих тонких родственных подробностей сильно затрудняет грамматику повседневного общения – «моя», «твой», «их», – и потому, как только мы зажили одной семьей, мальчику тогда почти сравнялось шесть, а девочка только-только училась ходить, мы выбрали куда более простое и универсальное притяжательное местоимение «наши». И получилось: «наши дети». Иногда «наш мальчик», «наша девочка». Дети быстро усвоили правила нашей семейной грамматики и дали нам с мужем немудрящие имена нарицательные: «мама» и «папа», а иногда просто «ма» и «па». Так что наш семейный лексикон, во всяком случае до сих пор, определял сферу и границы нашего общего мирка.

СЕМЕЙНАЯ ФАБУЛА

Мы с мужем познакомились четыре года назад, когда записывали звуковой ландшафт Нью-Йорка. Мы входили в большую команду, работавшую на Центр городских исследований и прогресса при Нью-Йоркском университете. Предполагалось, что для создания звуколандшафта мы будем отбирать и записывать характерные шумы повседневной жизни города и звуковые приметы Нью-Йорка: скрежет тормозящих у станций составов подземки, музыку в длинных подземных переходах под 42-й улицей, проповеди священников в Гарлеме, звон колокола, а также гул, шепоты и ропоты в помещении фондовой биржи на Уолл-стрит. Плюс к тому нам ставилась задача исследовать и систематизировать прочие городские звуки, обыденные и зачастую не замечаемые: звяканья открывающихся и закрывающихся кассовых аппаратов в гастрономах, отголоски дневной репетиции в пустом зрительном зале какого-нибудь из бродвейских театров, всплески возмущаемых подводными течениями вод Гудзона, крики канадских казаков, стаями кружащих и гадающих над парком Ван-Кортландт, скрип качелей на детских площадках в парке Астория, вжиканья пилок в руках пожилых маникюрш-кореенок, подпиливающих ногти богатеньким клиенткам в Верхнем Вест-Сайде, треск огня, пожирающего ветхий многоквартирный дом в Бронксе, поток матюков, изрыгаемых случайным прохожим в адрес другого случайного прохожего. На проекте работали журналисты, звуковые художники, географы, урбанисты, писатели, историки, акустемологи, антропологи, музыканты и даже батиметристы, которые погружали свои хитрые приборы, называемые многолучевыми эхолотами, в омывающие Нью-Йорк воды, чтобы промерять глубины рек, профили их русел и бог знает что еще. Все мы, разбившись на пары или маленькие группки, по всему городу исследовали и записывали образцы звуковых волн, точно документировали последние издыхания исполинского зверя.

Нас поставили в пару и поручили записывать все языки, на каких только говорили в городе, на протяжении четырех календарных лет. В описании наших обязанностей уточнялось: «исследовать самый лингвистически многообразный мегаполис планеты и произвести картирование всех до единого языков, на которых говорит взрослое и детское население». Как выяснилось, мы неплохо справлялись с поставленной задачей; может, даже и по-настоящему хорошо. Из нас двоих получилась отличная команда. Мы проработали всего несколько месяцев и вдруг влюбились друг в друга – влюбились по самые уши, безоглядно, предсказуемо и очертя голову, как утес мог бы влюбиться в птицу, не задумываясь, где он, а где птица. И когда наступило лето, мы решили жить вместе.

У девочки, понятное дело, никаких воспоминаний об этом периоде не сохранилось. Зато мальчик говорит, что помнит, как я все время ходила в старом синем кардигане, потерявшем пару пуговиц и доходившем мне до колен, и еще что иногда, когда мы ездили подземкой или автобусами – где почему-то всегда гуляли холодные сквозняки, – я снимала кардиган и как одеялом укрывала его и девочку, а кардиган пах табаком и колелся. Съехаться мы решили как-то с бухты-барахты – пускай скоропалительное, безрассудное и бестолково-суматошное, это решение было прекрасным и подлинным, как сама жизнь, когда не задумываешься о последствиях. Мы организовались в собственное племечко. А затем явились последствия. Мы перезнакомились с родней друг друга, поженились, начали подавать совместную налоговую декларацию, превратились в семью.

НАЛИЧНОЕ ИМУЩЕСТВО

На передних сиденьях: муж и я. В бардачке: страховой полис, документы на машину, руководство по эксплуатации и карты дорог. На заднем сиденье: двое детей, их рюкзаки, коробка одноразовых салфеток и синяя сумка-кулер, а в ней – бутылочки воды и скоропортящиеся снеки. В багажнике: моя маленькая спортивная сумка с цифровым диктофоном «Сони РСМ-D50», наушниками, проводами и запасными батарейками; его огромный профессиональный кофр для звукового оборудования «Порта-брейс» и в нем – микрофонная удочка, микрофон, наушники, ворох кабелей, антенна «цепелин», лохматая ветрозащитная насадка на микрофон из искусственного меха и мощный цифровой аудиорекордер 702Г. А также: четыре чемоданчика с нашей одеждой, семь картонных коробок для документов (размерами 15 × 12 × 10 дюймов¹) с утолщенным дном и прочными крышками.

КОВАЛЕНТНОСТЬ

Как бы мы ни старались сплотиться, нас вечно терзает беспокойство по поводу места каждого из нас в семье. Мы как те невнятные молекулы из школьного курса химии с ковалентными связями вместо положенных ионных – или наоборот, кто ж его помнит? Мальчик потерял биологическую мать при рождении, правда, мы этой теме никогда не касаемся. Муж озвучил мне этот факт одним предложением еще на заре наших отношений, и я сразу поняла, что он категорически против дальнейших расспросов. Я и сама не терплю вопросов о биологическом отце девочки, так что мы двое нерушимо соблюдаем взаимный обет молчания по поводу этих подробностей нашего прошлого и прошлого наших детей.

Наверное, все эти фигуры умолчания разжигают в наших детях охоту слушать истории о самих себе в контексте нашего семейного «мы». Им подавай все до единой подробности о том, как оба они стали нашими общими детьми, а все мы вместе – одной семьей. Своей настырной любознательностью они напоминают антропологов, изучающих космогонические нарративы, хотя и не без некоторого налета самолюбования. Девочка требует, чтобы ей снова и снова рассказывали одни и те же истории. Мальчик расспрашивает о моментах их общего с девочкой детства, как будто они случились десятки, если не сотни лет тому назад. Вот мы и рассказываем. Рассказываем все истории, какие только сохранили в памяти. И как всегда, стоит упустить хоть малую частицу повествования, перепутать какую-нибудь подробность или на свою голову хоть на йоту отклониться от запомнившейся им версии событий, они сразу ловят нас на неточности и решительно прерывают, требуя заново пересказать всю историю, с самого

¹ 38 × 30 × 25 см. Здесь и далее прим. пер.

начала и на сей раз уж как полагается. И мы послушно отматываем назад наши воспоминания и снова пересказываем их с самого начала.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ МИФЫ

Наше общее житье-бытье началось с новой, почти пустой квартиры и накрывшей город волны зноя. В наш первый вечер в квартире – той же самой, из которой мы только что уехали, – мы четверо, раздевшись до исподнего, сидели на полу в гостиной, потные и измотанные, пытаясь за неимением посуды удержать на ладонях куски пиццы.

Мы только что закончили распаковывать наши пожитки и кое-какие новые приобретения: штопор, четыре подушки, средство для мытья окон, две небольшие рамки для фотографий, гвозди и молоток. Затем измерили рост детей и сделали первые отметки на стене в прихожей: 33 дюйма и 42 дюйма². Следующим пунктом вбили на кухне два гвоздя и развесили на них открытки, украшавшие наши прежние, отдельные, жилища: на одной – фотопортрет Малкольма Икса³, сделанный незадолго до его убийства, где он сидит, слегка оперев голову на правую руку, и напряженно смотрит на кого-то или что-то; на второй – Эмилиано Сапата⁴ горделиво выпрямился перед объективом в полный рост, в одной руке винтовка, другая сжимает эфес сабли, через плечо шарф, грудь крест-накрест стянута патронной лентой. На защитном стекле открытки с Сапатай сохранился налет въевшейся грязи – или это была жирная копоть? – из моей старой кухни. Обе открытки мы повесили рядом с холодильником. Но и после этих маленьких ухищрений новая квартира выглядела слишком голой, стены слишком белыми, пространство все еще чужим и необжитым.

Мальчик, жуя пиццу, обвел взглядом пустоту гостиной и спросил:

И что теперь?

Девочка, ей тогда было два года, эхом повторила за ним:

Да, что теперь?

Ни я, ни муж не нашлись что ответить, хотя оба, сдается мне, усердно напрягали извинины в поисках ответа, потому что сами чуяли, что этот вопрос витает, разматываясь незримой нитью, в пустоте гостиной.

Так что теперь? – снова спросил мальчик.

В конце концов я ответила:

А теперь ступайте чистить зубы.

Но мы же еще не распаковали наши зубные щетки, возразил мальчик.

Ну тогда просто прополощите рты водой над раковиной и отправляйтесь спать, сказал муж.

Они вернулись из ванной и дружно заньли, что боятся спать одни в новой спальне. Мы разрешили им только на пока остаться с нами в гостиной и только если пообещают сразу лечь спать. Они заползли в большую пустую коробку и, немного повозившись, чтобы по справедливости разделить картонное пространство, уснули глубоким, крепким сном.

Мы с мужем открыли бутылку вина и покурили в открытое окно. Потом уселись на полу, молча и неподвижно, и принялись наблюдать за нашими спящими в картонной коробке детьми. С того места, где мы сидели, нам был виден лишь клубок из голов и задниц: его влажные от пота волосы и ее спутанные кудряшки; его плоский, как таблетка аспирина, задок и ее округ-

² 83,8 и 106,7 см соответственно.

³ Малкольм Икс, он же эль-Хадж Малик эш-Шабаз, – афроамериканский исламский духовный лидер и борец за права чернокожих. Среди сторонников Икс известен как защитник прав чернокожего населения США, попираемого, по его мнению, белыми. Был убит 21 февраля 1965 года.

⁴ Эмилиано Сапата (1879–1919) – один из национальных героев Мексики, лидер мексиканской революции 1910 года против диктатуры Порфирио Диаса, предводитель восставших крестьян юга страны.

лый, яблочком. Сейчас они напоминали пару супругов, слишком долго проживших бок о бок и слишком быстро вступивших в пору зрелости, успевших устать друг от друга, но все еще чувствующих себя уютно в компании друг друга. Они спали в полном, совершенном уединении, обособленной от мира компанией друг друга. Время от времени мальчик нарушал наше молчание, всхрапывая, как всхрапывают во сне пьяные, а девочкино тело испускало долгие, звучные ветры.

Днем они закатили такой же концерт, пока мы добирались подземкой от супермаркета до нашей новой квартиры, обставленные бесчисленными белыми пластиковыми пакетами, которые были забиты невероятной величины куриными яйцами, невероятно розовой ветчиной, органическим миндалем, кукурузным хлебом и маленькими картонками с цельным органическим же молоком – обогащенными ценными микроэлементами, питательными продуктами для нового улучшенного рациона семьи с двумя работающими супругами. Какие-то две три минуты в вагоне, и детей сморил сон. Их головки мирно покоились на коленях мужа и моих, влажные от пота волосы спутались и источали восхитительно солоноватый дух как от больших, с пылу с жару брецелей⁵, купленных с лотка на углу, которыми мы перекусывали после супермаркета. Ангельская кротость спящих детишек плюс наша пока еще цветущая молодость придавала нам картинный вид прелестной, на зависть идеальной семейки. Как вдруг один ангелочек захрапел, второй же принялся громко пускать ветры. Те немногие пассажиры, кто не уткнулся в свои смартфоны, встрепенулись, уставились на девочку, на нас, на мальчика и заулыбались – поди знай, из сочувствия ли нам или из сообщничества с откровенным прилюдным бесстыдством наших деток. Муж как ни в чем не бывало заулыбался в ответ. Я же какие-то секунды прикидывала, как бы отвлечь от нас общее внимание, отзеркалить его: скажем, осуждающе уставиться на старикана, что дрых через несколько мест от нас, или вон на ту девицу в слишком откровенной для бега спортивной экипировке. Разумеется, ничего подобного я не сделала. Просто кивнула, то ли признавая наш конфуз, то ли смиряясь с ним, и растянула губы в вымученной встречной улыбке случайным попутчикам. Похоже, я испытала страх сродни сценическому, какой иногда накатывает во снах, где ты идешь в школу, забыв поддеть нижнее белье; как будто меня внезапно и грубо выставили напоказ кучке незнакомцев, которым случайно приоткрылась шелка в наш еще такой свежеиспеченный семейный мирок.

Зато тем вечером в интимном уединении нашей новой квартиры, когда дети уже спали и раз за разом производили все те чудесные звуки – истинно чудесные, всегда нечаянные и ненарочные, – я смогла наконец сбросить груз смущения и во всей полноте оценить их. Звуки из девочкиной утробы, отскакивая от стенок картонной коробки, усиливались и незримыми волнами гуляли по почти пустой комнате. Вскоре мальчик в забытии своего глубокого сна расслышал девочкины «разговоры» – или так нам показалось – и откликнулся горловыми сопениями и бурчаниями. Муж особо заострил факт, что перед нами случай употребления одного из языков, составляющих звуковой ландшафт города, притом, надо признать, в идеально закольцованном разговоре.

То рот отвечает на реплики задничной дырочки.

На какой-то момент я подавила позыв расхохотаться и тут заметила, как муж задерживает дыхание и жмурится в попытках не заржать. Мы, надо думать, укурились чуточку сильнее, чем нам представлялось. Тогда я дала себе волю, и мои голосовые связки, ничем больше не сдерживаемые, разразились всхрюками и взвизгами, которые больше пристали поросенку, нежели человеческому существу. Муж внес свою лепту чередой фырков и всхлипов, крылья его носа затрепыхались, лицо собралось в складки, почти скрывшие глаза, а сам он раскачивался туда-сюда, как подбитая пиньята⁶. Воистину, у большинства людей, когда они от души

⁵ Брецель – штучное булочное изделие, сдобный кренделек, посыпанный крупной солью; популярная закуска.

⁶ Пиньята (*исп.* Piñata) – мексиканская игрушка в форме расписанного орнаментами горшка или фигурки животного

хохочут, вид делается устрашающий. Меня всегда пугали люди, в пароксизме смеха клацающие зубами, как всегда вызывали подозрения те, кто смеется совершенно беззвучно. От родителей мне передался некий генетический, как я думаю, дефект: он проявляется всхрапами и хрюками под занавес каждого приступа смеха – надо полагать, звуки эти настолько исполнены животного начала, что неизменно провоцируют следующий приступ хохота. А затем еще следующий, пока из глаз смеющихся не брызнут слезы и их не охватит стыд.

Я глубоко вздохнула и смахнула со щеки слезинку. Вдруг подумалось, что это в первый раз, когда мы с мужем услышали, как смеется каждый из нас. И не просто смеется, а заходится смехом, каждой клеточкой, не сдерживаясь отдается хохоту чистому, беспримесному, дурацки беспричинному. Пожалуй, не узнаешь человека до конца и по-настоящему, пока не услышишь, как он хохочет. В этом смысле мы с мужем наконец-то пересочинили свои образы в глазах друг друга.

Разве не гадко ржать, посягая на сон собственных детей, а? – спросила я.

Точно, это гадко.

Мы решили, что, чем нарушать их покой, лучше задокументировать их ночные рулады, и полезли в коробки за нашими записывающими причиндалами. Муж собрал свою микрофонную удочку; я приблизила диктофон почти вплотную к спящим мальчику и девочке. Она сосала большой палец, а он бормотал во сне какие-то слова, перемежая их словообразной абракадаброй. Проезжающие за окном машины тоже вносили свою звуковую лепту. В порыве ребячества мы записали образцы ночного звучания детей. Не уверена, какие еще глубокие мотивы могли подбить нас на это. Возможно, всему виной просто летняя жара, плюс вино, минус косяк, помноженные на возбуждение по поводу переезда и поделенные на тягостную утилизацию гор оставшихся от переезда картонок. Или мы просто поддались внезапному импульсу позволить моменту, знаменовавшему начало чего-то большого и важного в нашей жизни, оставить звуковой след в нашей истории. Недаром наши мозги натренированы выискивать любые возможности для звукозаписи, недаром наши уши поднаторели не хуже диктофона улавливать тончайшие звуки будничной жизни? Все это, наше и не наше, здесь и там, внутри и снаружи, фиксировалось нами, собиралось и архивировалось. Новым семьям, как и новообразованным в результате жестоких войн за независимость или социальных революций государствам, надо полагать, требуется за столбить свое начало неким символическим моментом и увековечить его во времени. Та ночь положила начало нашей семье, ознаменовала символический момент, когда из нашего хаоса родился наш космос.

Позже, уставшие, растерявшие весь кураж, мы на руках перенесли детей в их новую комнату и бережно уложили на матрасики, размерами немногим больше картонной коробки, в которой они уснули. Затем пошли уже в свою спальню, проскользнули на наш собственный двуспальный матрас и сплелись ногами в полном молчании, хотя наши тела обменялись беззвучными репликами, что, может быть, попозже, завтра например, мы будем любить друг друга и будем строить общие планы, но, ради бога, не сейчас, завтра.

Спокойной ночи.

Спокойной ночи.

РОДНЫЕ ЯЗЫКИ

Когда меня только пригласили в проект городского звуколандшафта, я решила, что вся затея отдает некоторой вульгарностью, мегаломанией, а возможно, чрезмерной дидактичностью. Я была молода, хотя и не так чтобы сильно моложе, чем сейчас, и все еще мыслила себя

из папье-маше или бумаги. Наполняется сладостями и конфетти и подвешивается к потолку; игра заключается в том, чтобы сбить пиньяту палкой и добыть угощение.

прежде всего политическим журналистом. К тому же мне претил тот факт, что, хотя организатором проекта выступал Центр городских исследований и прогресса при Нью-Йоркском университете и его материалы в конечном счете пополнят звуковой архив Центра, часть финансирования предоставлял ряд крупных транснациональных корпораций. Я даже пыталась изучить биографии их гендиректоров – на предмет замешанности в скандалах, мошенничествах, связях с организациями фашистского толка. Но у меня на руках была маленькая девочка. И когда мне сообщили, что в контракт включена медицинская страховка, а сама я сообразила, что смогу теперь прожить на их зарплату, а не носиться как угорелая по мириадам журналистских заданий, я свернула свои изыскания, прекратила изображать разборчивость в вопросах корпоративной этики и подписала контракт. Не могу сказать, какие мотивы подвигли мужа участвовать в проекте, но он примерно тогда же подписал свой контракт – в ту пору просто незнакомец, специалист по акустемологии, еще не муж мне и не отец нашим детям.

Оба мы целиком и полностью посвятили себя проекту звукового ландшафта. Каждый божий день, пока дети находились соответственно в детском садике и в школе, мы выходили в город, никогда не зная, что нас ждет, но в неизменной уверенности, что обнаружим что-нибудь новенькое. Мы разъезжали по всем пяти боро Нью-Йорка, беседовали с разными людьми, просили их немного поговорить на их родном языке.

Ему нравились дни, которые мы проводили в местах транзитных пересадок: на вокзалах, в аэропортах, на автобусных станциях. Мне же нравились дни, когда мы в школах проводили выборочные обследования детей. Бывало, он уверенно рассекал толпу в кафетериях, ремень фирменного «Порта-брейса» с оборудованием перекинут через правое плечо, удочка выставлена вверх с наклоном под нужным углом, микрофон готов записывать разнозвучную мешанину голосов, позвякивания столовых приборов, шарканья шагов. Я же в школьных коридорах и классах приставляла свой диктофон как можно ближе ко рту каждого ребенка, когда он по моей подсказке что-нибудь говорил на родном языке. Я просила детей припомнить песни и поговорки, которые они слышат у себя дома. У многих произношение успело англоизироваться, язык родителей стал для детей чужим. Помню, как их детские языки, языки в прямом физическом смысле – розовые, усердные, вышколенные, – честно старались как можно точнее воспроизвести звуки родного языка – чем дальше, тем более им далекого: им с трудом давались правильное положение кончика языка при артикуляции раскатистого испанского еге, быстрые активные касания языком нёба при произнесении полисиллабических (многосложных) слов на языках кечуа или гарифуна, как не получалось расслабить и правильно изогнуть в нижнем положении язык, чтобы фонетически точно воспроизвести придыхательное арабское h.

Шли месяцы, мы записывали голоса, коллекционировали акценты. У нас накопились многие часы записей, на которых люди говорят на своих языках, рассказывают истории, держат паузы, лгут, молятся, колеблются, делают признания, дышат.

ВРЕМЯ

Помимо звуков, мы накапливали разнообразный полезный в домашнем хозяйстве скарб: растения, тарелки, книги, стулья. Мы собирали в богатых кварталах предметы обихода, ставшие ненужными хозяевам и выставяемые ими по краям тротуаров. Часто мы уже задним числом понимали, что нам ни к чему еще один стул или еще одна книжная полка, и мы возвращали их обратно на улицу, выставя у края тротуара уже в нашем, менее состоятельном квартале, участвуя в перераспределении богатства незримой, правда левой, рукой рынка – такие себе анти-Адамы-Смиты тротуаров и пешеходных дорожек. Мы еще некоторое время продолжали таскать с улицы полезные вещи, пока не услышали по радио, что в городе форменный кризис из-за нашествия клопов, тогда мы прекратили собирательство и вышли из участия в перераспределении богатства, а там подоспели зима и следом весна.

Никогда не знаешь, что превращает пространство между стенами в жилище, а твои планы на жизнь – в саму жизнь. В какой-то день наши книги перестали помещаться на полках, и прежде голая комната в квартире стала нам настоящей гостиной. Местом, где мы смотрели кино, читали книги, собирали пазлы, дремали, помогали детям с уроками. А позже – местом, где мы устраивали с друзьями вечеринки, вели после их ухода долгие разговоры, любили друг друга, говорили друг другу прекрасные и ужасные вещи, а потом в молчании вместе прибирались.

Кто его знает, как и куда утекает время, но только в один прекрасный день мальчику исполнилось восемь, а потом и девять, а девочке набежало пять. Они начали вместе посещать муниципальную школу. Всех маленьких незнакомцев, с кем сталкивала их жизнь, они теперь называли своими друзьями. В их жизнях появились футбольные команды, гимнастика, школьные представления по случаю окончания года, походы на бесчисленные дни рождения, в гости с ночевками, а новые зарубки на стене в прихожей, отмечающие рост наших детей, вдруг круто устремились вверх. Они здорово подросли, наши дети. Муж считал, что они растут слишком быстро. Неестественно быстро, говорил он и винил органическое цельное молоко в этих маленьких картонках; он считал, что производители нарочно меняют химический состав молока, чтобы дети преждевременно набирали рост. Может быть, оно и так, думала я. А может быть, просто уже много времени утекло.

ЗУБЫ

Сколько еще?

Долго еще?

Подозреваю, что таковы все дети: когда они в машине и не спят, вечно требуют внимания, донимают вопросами, когда мы остановимся, чтобы сходить в туалет, просят чего-нибудь перекусить. Но чаще всего спрашивают:

Когда мы уже доедем?

Обычно мы говорим мальчику с девочкой, что остается еще совсем чуть-чуть. Или выходим с предложениями:

Поиграйте пока в свои игрушки.

Считайте все проезжающие мимо машины белого цвета.

Попробуйте еще поспать.

Сейчас, когда мы на подъезде к Филадельфии тормозим у поста, где взимается дорожная пошлина, они оба разом просыпаются, как будто их сон синхронизирован – и не только у них друг с другом, но и со сменой передач в нашей машине. Девочка первой подает голос с заднего сиденья:

Сколько кварталов нам еще ехать?

Всего ничего, а там мы сделаем остановку в Балтиморе, говорю я.

Тогда скажи, сколько еще кварталов ехать дотуда, куда мы едем?

Дотуда, куда мы едем, – это в Аризону. Мы спланировали доехать из Нью-Йорка до юго-восточного угла штата Аризона. По дороге на юго-запад в сторону пограничных с Мексикой областей мы с мужем, как предполагается, будем работать каждый над своим новым звуковым проектом, будем проводить полевые звукозаписи и опросы. Я сосредоточусь на интервью с разными людьми, буду ловить обрывки посторонних разговоров, записывать транслируемые по радио сводки местных новостей или, скажем, голоса в закусовых и прочем придорожном общепите. Когда мы достигнем Аризоны, я запишу последние звуковые образцы, а потом начну все это монтировать. На все про все у меня есть четыре недели. Потом мне, видимо, придется улететь с девочкой обратно в Нью-Йорк, впрочем, еще не уверена. Как не уверена в том, каков точный план мужа. Я изучаю его повернутое ко мне в профиль лицо. Он не отрывает глаз

от дороги перед нашим капотом. Он намеревается собирать образцы всевозможных звуков, например голоса ветров, продувающих равнины, или, может, парковочные пространства; хруст шагов по гравии, а может, по бетону или песку; или, может, звяканье падающих в ящики кассовых аппаратов монеток, скрежет разгрызающих арахис зубов или как детская рука перебирает набитые в карман куртки камешки. Не представляю, сколько времени займет его новый звуковой проект, не представляю, что будет дальше. Девочка нарушает стужившуюся в салоне тишину настойчивым требованием:

Мама с папой, я задала вам вопрос: сколько еще кварталов ехать дотуда, куда мы едем?

Мы напоминаем себе, что надо проявить терпение. Уж мы-то знаем – и подозреваю, мальчик уже тоже, – как это сбивает с толку, когда живешь в безвременье пятилетнего возраста: не то чтобы времени в твоём мире вовсе не существовало, а наоборот, когда его столько, что хоть отбавляй. Наконец муж выдает девочке ответ, судя по всему, вполне ее устроивший:

А доедем мы, когда у тебя выпадет второй нижний зубик.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Когда девочке было четыре года и она начала ходить в подготовительную школу, у нее раньше времени выпал первый молочный зуб. А вскоре после этого она начала заикаться. Мы так и не выяснили до конца, была ли причинно-следственная связь между этими тремя событиями: школой, выпавшим зубом и заиканием. Во всяком случае, в нашей семейной летописи они скрутились в один запутанный, насыщенный эмоциями узел.

Как-то утром в нашу последнюю нью-йоркскую зиму я разговорилась с мамой одноклассницы моей дочери. Мы как раз дожидались в классе своей очереди проголосовать на выборах в новый родительский комитет. Какое-то время мы, стоя в очереди, обменивались рассказами о трудностях у наших детей по лингвистической и культурной части. Моя дочь, рассказывала я, уже год как заикается, иногда до полной потери дара речи. Произнесет слово и тут же начинает захлебываться воздухом, будто собирается чихнуть. Но недавно она обнаружила, что если предложения пропевать, а не проговаривать, то заикание уходит. И уже мало-помалу выбирается из заикания. А ее сын, в ответ рассказала женщина, целых полгода и вовсе не мог произнести ни слова, вообще, ни на одном языке.

Тут мы принялись выяснять друг у друга, из каких мест мы родом и какой у кого родной язык. Она сказала, они из Глахьяко, это в Микстеке⁷. И что ее родной язык – трике, о котором я знала только, что он относится к одному из фонетически сложнейших тональных языков и насчитывает больше восьми фонологически значимых тонов. Моя бабушка по происхождению хняхню⁸ и говорила на языке отоми, в плане фонетики более простом, чем трике, с его всего тремя тонами. А моя мама так и не выучилась языку отоми, не говоря уже обо мне. Тогда я спросила, говорит ли ее сын на трике, на что она ответила, конечно нет, куда там, и добавила: «Наши матери учат нас говорить, а мир учит молчать в тряпочку».

После выборов родительского комитета мы с ней напоследок представились друг другу, хотя, по идее, это следовало бы сделать в начале знакомства. Оказалось, ее зовут Мануэла, как и мою бабушку. Правда, ей это совпадение показалось не таким забавным, как мне. Я спросила, не согласится ли она, чтобы я как-нибудь на днях записала ее речь, и рассказала ей, что мы с мужем почти заканчиваем работу над документальным звуковым проектом о языковом разнообразии Нью-Йорка. Но образца речи на трике нам пока найти не удалось: язык довольно редкий, и его носителей не так-то часто встретишь. Она вроде бы согласилась, хотя

⁷ Эрройка-Сьюдад-де-Глахьяко – официальное название города в Мексике, расположенного в западной части штата Оахака и относящегося к региону Микстека.

⁸ Хняхню (*исп.* Nñäññu) – самоназвание одной из групп коренных индейских народов Центральной Мексики отоми.

и не без колебаний, а когда мы с ней через несколько дней встретились в парке поблизости от школы, сказала, что хотела бы взамен попросить меня об одной услуге. Рассказала, что две ее старшие дочери – восьми и десяти лет – совсем недавно переправились на территорию США, пешком перейдя границу, и застряли в центре временного размещения нелегальных иммигрантов в Техасе. И теперь ей нужен кто-то, кто за малую плату или бесплатно перевел бы их документы с испанского языка на английский, чтобы она могла нанять адвоката и не дать выдворить дочек из страны. Я согласилась, не подозревая тогда, во что ввязываюсь.

ОБРАЗ ДЕЙСТВИЙ

Поначалу я просто переводила юридические документы: свидетельства о рождении девочек, справки о полученных ими прививках, школьный табель успеваемости одной из них. Затем последовали письма от соседки Мануэлы в Тлахьяко, в которых та подробно описывала обстановку в городе: волны безудержного насилия, введены войска, орудуют вооруженные банды, свирепствуют полицейские, внезапно исчезают люди – в основном молодые девушки и девочки. В один из дней Мануэла попросила меня сходить вместе с ней на встречу с потенциальным адвокатом.

Мы трое встретились в комнате ожидания Иммиграционного суда Нью-Йорка. Адвокат опросила Мануэлу по пунктам краткой установочной анкеты, задавая вопросы на английском, а я переводила их для нее на испанский. Мануэла рассказала о себе, рассказала историю своих девочек. Они из маленького городка на границе штатов Оахака и Герреро. Лет шесть назад, когда младшей девочке исполнилось два года, а той, что постарше, – четыре, Мануэла оставила дочек на попечение их бабушки. На еду им едва хватало, и при такой нужде она никак не могла бы вырастить девочек, объяснила Мануэла. Она нелегально перешла границу, не имея при себе документов, и поселилась в Бронксе у своего двоюродного брата. Устроилась на работу, начала посылать домой деньги. Она рассчитывала как можно быстрее поднакопить денег и при первой же возможности вернуться домой к дочкам. А потом на свою голову забеременела, чем сильно осложнила себе жизнь, и время в повседневной суете летело все быстрее. Между тем девочки подросли и уже могли разговаривать с ней по телефону, а она рассказывала им, что здесь зимой идет снег, что здесь широкие авеню, мосты, огромные дорожные пробки, а позже – что у них появился братик. Тем временем положение в их городке все больше ухудшалось, и жить там стало так опасно, что Мануэла попросила у своего босса заем и заплатила койоту – так называют проводников, которые переправляют нелегальных иммигрантов через американо-мексиканскую границу, – чтобы он доставил к ней ее дочек.

Бабушка снарядила девочек в дорогу, предупредила, что им предстоит очень дальний путь, и собрала им рюкзаки: Библию, бутылку с водой, по одной игрушке каждой, запас белья. Еще бабушка приготовила им дорожные платица и за день до отъезда вышила на их воротничках мобильный номер Мануэлы. Сначала она добивалась, чтобы девочки выучили эти десять цифр, а когда затея провалилась, бабушка сообразила вышить номер Мануэлиного телефона на воротничках их платьев и терпеливо, раз за разом вдальблывала им простенький наказ: никогда ни при каких обстоятельствах не снимать платьев, а как только попадут в Америку, как только увидят первого встречного американца, будь он полицейский или просто какой-то человек, они должны показать ему номер телефона на обороте воротничка. Этот человек наберет вышитый на воротничке номер и даст им поговорить с мамой. А дальше все как-нибудь да устроится.

В общем-то, устроилось, разве что не совсем по плану. Девочки в целости и сохранности добрались до границы, но, вместо того чтобы переправить их на ту сторону, койот посреди ночи бросил их одних в пустыне. На рассвете их обнаружил пограничный патруль – девочки сидели у дороги вблизи пограничного пропускного пункта – и передал в центр временного размеще-

ния малолетних нелегальных иммигрантов, прибывших без сопровождения взрослых. Офицер из патруля позвонил Мануэле сообщить, что найдены ее девочки. Он говорил с ней мягким, участливым тоном, сказала Мануэла, во всяком случае, для офицера пограничного патруля. Он предупредил, что в обычных обстоятельствах закон требует, чтобы детей из Канады и Мексики, в отличие от детей из других стран, немедленно высылали назад. Сказал, что пока что ему удастся удерживать девочек в центре временного содержания, но что ей сейчас и в дальнейшем потребуется адвокат. Прежде чем закончить разговор, он дал Мануэле поговорить с девочками. Выделил им пять минут. И Мануэла впервые с начала их одиссеи услышала голоса дочек. Старшая сказала, что с ними все в порядке. Младшая сопела в трубку, но так и не вымолвила ни слова.

Адвокатша, с которой мы встречались, выслушала рассказ Мануэлы и заявила, что сожалеет, но за ее дело никак взяться не сможет. Сказала, что дело «недостаточно крепкое», но пояснений не удостоила. Нас с Мануэлой выпроводили из комнаты, провели по коридорам к лифту, а потом выставили за порог. Мы вышли на Бродвей. Близился полдень, и город деловито жужжал, небоскребы устремлялись ввысь, с ясного, безоблачного неба сияло солнце – беззаботно, как будто ничего катастрофического не происходило. Я обещала Мануэле, что помогу ей найти выход, помогу добыть хорошего адвоката, помогу всем, чем только и как только возможно.

ОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Наступила весна, муж и я подали совместную налоговую декларацию и сдали материалы по проекту звукового ландшафта. В Нью-Йорке говорят более чем на восьми сотнях языков, и за четыре года мы насобирали образцы почти всех. И наконец могли двигаться дальше – открытые для следующих возможностей. Так оно и случилось: мы двинулись дальше. Мы пошли вперед, но, скажем так, не совсем вместе.

Я еще сильнее втянулась в судебное дело против дочерей Мануэлы. Один адвокат из некоммерческой организации в конце концов согласился взять его; девочки все еще были разлучены с матерью, но, по крайней мере, их перевели из иммигрантского центра в Техасе с его жестокими порядками и небезопасностью в куда более гуманное, как предполагалось, место – в бывшее помещение гипермаркета «Уолмарт», превращенное в центр временного содержания несовершеннолетних иммигрантов в штате Нью-Мексико, вблизи городка Лордсберг. Чтобы следить за ходом дела, я подробнее изучила закон об иммиграции, посещала судебные заседания, разговаривала с адвокатами. Это дело, как выяснилось, было одним из десятков тысяч подобных, находившихся в производстве по всей стране. Всего за предыдущие шесть-семь месяцев на южной границе США были задержаны более восьмидесяти тысяч детей-иммигрантов, не имевших при себе никаких документов, – из Мексики и стран Северного треугольника⁹, но в основном из последнего. Все эти дети спасались от невыносимо жестоких условий и систематического насилия, спасались из стран, где вооруженные банды сколотили парагосударства, узурпировали власть и подменили произволом главенство закона. Дети бежали в Соединенные Штаты в поисках защиты, в отчаянных надеждах найти отца, мать или кого-нибудь из дальних родственников, кто эмигрировал ранее и мог бы взять их к себе. Ни за какой не за американской мечтой бежали эти несчастные, хотя так обычно говорится, а только в надежде найти прибежище от невыразимых кошмаров повседневного бытия.

В то время на радио и в некоторых газетах стали мало-помалу появляться материалы о волне нелегальной детской иммиграции, однако ни один репортаж или статья не пытались показать ситуацию с противоположной стороны – как ее переживают вовлеченные во все это

⁹ К Северному треугольнику Центральной Америки относят государства Гватемала, Сальвадор и Гондурас.

дети-иммигранты. Я решила обратиться к директору Центра городских исследований и прогресса при Нью-Йоркском университете. Я показала ей общий набросок моей идеи подать историю маленьких иммигрантов в другом ракурсе. После некоторых споров и препирательств, а также кое-каких уступок с моей стороны она согласилась помочь мне добыть финансирование для документального аудиоматериала о пограничном кризисе с детьми-иммигрантами. Не сказать чтобы проект поражал масштабами: в исполнителях числилась я одна со своим же звукозаписывающим оборудованием, притом связанная жесткими сроками.

На первых порах я даже не замечала, что муж тоже начал работать над новым проектом. Сначала дома появились подборки книг по истории апачей. Они громоздились на его письменном столе и на прикроватной тумбочке. Я знала, что он всегда интересовался этим предметом и частенько рассказывал детям разные истории про апачей, потому не увидела ничего странного в том, что он читает эти книги. Затем стена перед его столом понемногу запестрела картами территории апачей, изображениями их вождей и воинов. Тут я почувствовала, что его давнишний и всегдашний интерес к теме перешел в стадию целенаправленного научного исследования.

Над чем ты сейчас работаешь, поинтересовалась я у него в один из дней.

Так, несколько историй.

О чем?

Об апачах.

С чего вдруг апачи? И какие конкретно апачи?

Он сказал, его заинтересовали фигуры вождя чоконенов Кочиса и военного предводителя чирикауа-апачей Джеронимо¹⁰, а также само племя чирикауа-апачей, потому что Кочис и Джеронимо были последними лидерами – моральными, политическими и военными – апачей, последнего из свободных народов на Американском континенте и последнего, кто сдался. Безусловно, более чем убедительная мотивировка, чтобы взяться за подобного рода исследование, вот только я, признаться, рассчитывала услышать нечто другое.

Позже он начал называть свои исследования новым звуковым проектом. Закупил коробки для документов, которые вскоре заполнились разнообразного рода материалами: там были книги, карточки для записей, сплошь заполненные пометками и цитатами, вырезки, заметки, полевые аудиозаписи, данные съемок звуковой панорамы, какие только удавалось найти в публичных библиотеках и частных архивах, а также набор маленьких записных книжечек в коричневых обложках, в которых муж ежедневно что-то записывал почти с маниакальной, сказала бы я, страстью. Мне оставалось только гадать, какой аудиоматериал может из всего этого получиться. Однажды я спросила мужа о его коробках с их разномастным содержанием, а также о его ближайших планах и о том, как они впишутся в наши совместные планы, а он сказал, сам пока не знаю, но вскоре, обещаю, все тебе расскажу.

И спустя несколько недель рассказал, и тогда мы обсудили наши дальнейшие шаги. Я сказала, что хочу сосредоточиться на собственном проекте и записывать истории детей и слушания по их делам в Иммиграционном суде Нью-Йорка. И еще что подумываю устроиться на местную радиостанцию. От него я услышала ровно то, о чем уже подозревала. Чего ему больше всего хочется, сказал он, так это работать над собственным документальным проектом, об апачах. И кстати, он подал заявку на грант и уже даже получил его. И еще сказал, что материалы, которые он должен собирать для этого проекта, привязаны к конкретным местам, но что на сей раз речь идет о звуковом ландшафте совсем другого рода. Он назвал его «коллекцией

¹⁰ Чоконены – одна из групп чирикауа-апачей, индейского племени в составе народа апачи. Кочис (1805–1874) руководил вспыхнувшим в 1861 году восстанием; считался одним из величайших лидеров среди североамериканских индейцев и сыграл наиболее значительную роль в истории американского Юго-Запада XIX века. Джеронимо (1820–1909) – легендарный индейский военный предводитель чирикауа-апачей, в течение 25 лет возглавлял борьбу против вторжения США на земли своего племени. В 1886 году вынужденно сдался американской армии.

звуков эха», сказал, что главное место в ней отводит призракам Джеронимо и последних апачей.

Отдельная «прелесть» совместной жизни в том, что, когда живешь с человеком, видишь его каждый день и почти безошибочно предугадываешь все его реплики и жесты в разговоре, когда умеешь прочитывать скрытые за его поступками намерения и просчитывать его реакции на различные обстоятельства, и даже когда уверена, что изучила его вдоль и поперек, все равно в один прекрасный день он может в одночасье превратиться в совершенного незнакомца. Чего я совсем не ожидала, так это услышать от своего мужа, что для работы над новым проектом ему потребуется время, больше времени, чем даст одно лето. Еще ему потребуются тишина и уединение. И еще потребуется на более постоянной основе переселиться на юго-запад страны.

Насколько постоянной? – спросила я.

Возможно, на год или два, а может, и на дольше.

Где конкретно на юго-западе?

Пока трудно сказать.

А как насчет моего проекта, здешнего? – поинтересовалась я.

На это он обронил только, что проект не лишен содержательности.

ОДИНОЧЕСТВО НА ДВОИХ

Полагаю, муж и я простоту не были готовы ко второму акту нашей семейной пьесы, в котором мы просто продолжаем прежнюю, нами же выстроенную жизнь. Без перспектив дальнейшего профессионального сотрудничества мы и в других отношениях начали дрейфовать в разные стороны. Догадываюсь, что мы – а может, только я – впали в распространенное заблуждение, решив, что брак предполагает абсолютную общность и слом всех границ, и нет бы мне понять, что брак – всего лишь пакт между двумя готовыми блюсти одиночество друг друга, как заповедали нам Рильке или какие-то другие умиротворенные духом философы. Но возможно ли подготовиться к такому? И возможно ли преодолеть последствия до того, как определишь их причину?

Несколько лет назад еще на нашей свадьбе один наш друг сообщил нам в приливе пророческого откровения, какие нередко посещают мертвецки пьяных на пороге отключки, что свадьба – это банкет, на который двое прибывают слишком поздно, когда половина угощения уже подъедена и каждый уже слишком устал и мечтает смыться, только не знает, как смыться или с кем.

Но я, друзья мои, открою вам, как длить этот банкет до бесконечности! – возвестил он.

Но тут глаза его закрылись, борода ткнулась в грудь, а ее обладатель обмяк в кресле и окончательно вырубился.

КОНКРЕТИЗАЦИЯ

Мы провели много тягостных вечеров, когда, уложив детей, обсуждали вопросы логистики, связанной с планом мужа обосноваться более или менее постоянно на юго-западе. Долгими бессонными ночами мы договаривались, ругались, трахались, передоговаривались, старались разобраться, как все будет дальше. Часами напролет я силилась понять или хотя бы принять душой его проект, и еще больше часов я потратила на попытки отговорить его от его планов. Одной ночью дошло до того, что, вконец выйдя из себя, я даже швырнула в него лампочкой, а потом рулоном туалетной бумаги, осыпая совсем уж гнусными оскорблениями.

Но время шло, и мы начали уже предметно готовиться к поездке. Порывшись в интернете, он нашел и купил ряд полезных вещей: сумку-кулер, спальный мешок, гаджеты. Я заку-

пила карты Соединенных Штатов. Большую карту всей страны и отдельные карты нескольких южных штатов, через которые мы, вероятно, будем проезжать. А вечерами допоздна изучала их. И пока наш вояж приобретал все более конкретные очертания, я старалась примириться с мыслью, что у меня нет иного выхода, кроме как согласиться с уже принятым решением, и тогда я не спеша вписала в наш договор свои условия, всеми силами удерживая себя от уточнения деталей нашей совместной жизни, как будто теперь она приобрела право на нормативные вычеты, на своего рода моральное исчисление убытков, кредитов и налогооблагаемых активов. Иными словами, я старалась, старалась изо всех сил не дать себе превратиться в кого-то, кого в конце концов начну презирать.

Зато мои новые обстоятельства, убеждала я себя, открывают возможность профессионально переориентироваться, заново выстроить свою жизнь – и придумывала прочие доводы в том же духе, которые звучат осмысленно разве что в гороскопах или когда совершенно расклеиваешься и напрочь теряешь чувство юмора.

В более удачные дни мне удавалось немного собраться с мыслями, и я рассуждала разумнее, я убеждала себя, что, даже если наши профессиональные интересы чем дальше, тем больше расходятся, это вовсе не означает, что углубится и трещина в наших личных отношениях. С чего я решила, что если каждый будет работать над своим отдельным проектом, то это непременно разрушит наш общий семейный мир? Мы запросто могли бы отправиться в приграничные районы, как только у детей закончится учебный год, и заниматься каждый своим проектом. Пускай я еще не представляла себе как, но думала все же, что могла бы начать исследования, потихоньку собрать архив и изучать кризис с детьми-беженцами не в Иммиграционном суде Нью-Йорка, где сейчас сосредоточивалось все мое внимание, а в любой географической точке в пределах приграничных районов. Очевидно, что это придаст глубины моему исследованию. К тому же так мы могли бы совместить два наших очень разных проекта. Во всяком случае, на данный момент и настолько, чтобы всем вместе поехать на юго-запад. По крайней мере, удастся совмещать наши проекты до поры до времени. А дальше что-нибудь да придумаем.

АРХИВ

Я усердно изучала репортажи и статьи о детях-беженцах и помимо материалов из Иммиграционного суда Нью-Йорка старалась собрать больше информации о происходящем на южной границе, в центрах временного содержания иммигрантов и в приютах для беженцев. Я списывалась с юристами, посещала конференции коллегии адвокатов Нью-Йорка, негласно наводила справки у работников некоммерческих фондов, встречалась с общественными организаторами. Я собирала отдельные заметки, статьи, газетные вырезки, карточки с цитатами, письма, карты, фотографии, списки слов, тематические подборки, аудиозаписи показаний в суде. Вскоре я поняла, что рискую потеряться в собственноручно сотворенном документальном лабиринте, и обратилась к своему старому другу, преподавателю Колумбийского университета и как раз специалисту по архивному делу. Он ответил мне длинным письмом и приложил список статей и книг, которые могли бы вывести меня из моих потемок. Я штудировала статьи и книги из списка, долгими бессонными ночами читала об архивной лихорадке¹¹, о воссоздании исторической памяти в диаспорических нарративах, о риске потонуть в архивной «пыли».

В конце концов я обрела некоторую ясность и накопила достаточный объем тщательно отобранных материалов, призванных подсказать мне, в какой форме лучше всего документировать приграничный кризис с детьми-беженцами. Свои материалы я сложила в картонную

¹¹ Отсылка к книге Жака Дерриды «Архивная лихорадка: запечатление по Фрейду (религия и постмодернизм)» (1998).

коробку, еще не занятую бумагами мужа. Там были несколько фотографий, кое-какие юридические документы, установочные анкеты для новоприбывших, используемые в суде для ознакомления с делами, карты с географией смертей мигрантов в южных пустынях и папка с десятками докладных о смерти мигрантов, распечатанных из онлайн-поиска по базам без вести пропавших, со сведениями об обнаруженных в пустынях останках мигрантов, возможных причинах смерти и точном местоположении останков. Сверху я положила несколько уже прочитанных мной книг, решив, что при работе над проектом они помогут мне сохранять нарративную дистанцию между мной как повествователем и описываемыми событиями: «Врата рая» Ежи Анджеевского, «Крестовый поход детей» Марселя Швоба, роман «Белладонна» Даши Дрндич, «Вкус архива» Арлетт Фарж и «Элегии потерянным детям» Эллы Кампосанто, еще не читанную мной маленькую книжицу в красной обложке.

На жалобы мужа, что я заняла одну из его коробок, я пожаловалась в ответ, что у него и так уже четыре коробки, а у меня всего одна. На это он мне указал, что не в том я возрасте, чтобы ребячиться и мериться с ним коробками. В каком-то смысле он был прав, так что я улыбнулась, признавая его довод. Но его коробку все-таки оставила за собой.

Тогда последовали жалобы от мальчика. Почему это мы не выделяем коробку и ему? Возражений у нас не нашлось, и мы позволили ему занять одну коробку.

Следом за мальчиком в дележку коробок встряла девочка. Что поделаешь, пришлось выделить коробку и ей. Мы спросили, чем они намерены заполнить свои коробки, а мальчик ответил, что пусть пока пустует:

Зато я смогу собирать всякую всячину по дороге.

И я тоже, подхватила девочка.

Мы возразили, что пустующие коробки только лишняя трата места в багажнике. Однако на наш аргумент они выдвинули вполне убедительные контраргументы, или, наверное, мы слишком устали, чтобы продолжать препирательства. В общем, мы капитулировали. Итого у нас образовалось семь коробок. И они отправятся путешествовать вместе с нами неким приложением к нам в багажнике машины, которую мы собирались купить. Я аккуратно пронумеровала их черным маркером. Коробки с I до IV принадлежали мужу, коробка номер VI – девочке; мальчиковой коробке достался номер VII, а моей, соответственно, – V.

АПАЧЕРИЯ – СТРАНА АПАЧЕЙ¹²

С началом летних каникул, до которых оставалось чуть больше месяца, мы собирались выехать на юго-запад. А пока в наш последний месяц в городе мы продолжали разыгрывать обычную жизнь, как будто в наших отношениях не ожидалось никаких кардинальных перемен. Мы купили дешевую подержанную машину, один из этих универсалов «Вольво» 1996 года выпуска, черный, с объемистым багажником. Мы сходили на две свадьбы, и оба раза нам говорили, ах, какое мы прелестное семейство. Такие пригожие детки, и смотрите, какие разные, промурлыкала пропахшая тальком пожилая леди. Мы готовили обеды, смотрели кино и обсуждали планы на поездку. Иногда мы вечерами все вчетвером изучали большую карту страны и выбирали маршруты, какими поедем, при этом благополучно не замечая того факта, что маршруты эти, по всей вероятности, разведут нас в разные стороны.

Да, но в какое место конкретно мы едем? – приставали дети.

Между тем мы пока и сами не знали этого, ну, или еще не договорились ни о чем конкретном. Я хотела ехать в Техас, в этом штате больше всего центров временного содержания детей-иммигрантов. И все заполнены маленькими беженцами, тысячами детей, застрявших

¹² Апачерией (*англ.* Aracheria – Страна апачей) белые первопроходцы называли земли, занимаемые племенами апачей, то есть штаты Аризона, Нью-Мексико, часть Техаса в США и штаты Сонора и Чиуауа в Мексике.

в Галвестоне, Браунсвилле, Лос-Фресносе, Эль-Пасо, Никсоне, Канутильо, Конро, Харлингене, Хьюстоне и в Корпус-Кристи. Муж хотел, чтобы наша поездка оканчивалась в Аризоне.

Почему обязательно в Аризоне? – все втроем допытывались мы.

И где конкретно в Аризоне? – это уже желала знать я.

Кончилось тем, что однажды вечером муж расстелил на нашей постели большую карту и призвал в спальню меня и детей. Он ввинтил кончик указательного пальца в кружок, обозначающий Нью-Йорк, решительно повел им вниз и влево к Аризоне и дважды ткнул в какое-то место, малюсенькую точку в юго-восточном углу штата.

Сюда, сказал он.

А что здесь? – спросил мальчик.

А здесь горы Чирикауа, ответил ему муж.

И что? – не отставал мальчик.

Здесь сердце Апачерии, Страны апачей, ответил муж.

Значит, мы туда поедem, да? – спросила девочка.

Точно так, подтвердил муж.

А почему туда? – спросил его мальчик.

А потому что там жили последние из чирикауа-апачей.

И что с того? – вызывающе спросил мальчик.

Ничего с того, сказал же, мы едем в Апачерию, где проживали последние оставшиеся на всем континенте свободные люди, прежде чем им пришлось сдаться на милость белоглазым.

Что значит белоглазые? – спросила девочка, по всей видимости вообразив что-то жуткое.

Просто чирикауа называли так белых европейцев и белых американцев – белоглазыми.

Но почему? – желала дознаться девочка, да и мне было любопытно, но мальчик решительно перехватил бразды правления разговором и продолжил гнуть свое.

Но почему вообще апачи, па?

Потому что.

Потому что – что?

Потому что они были последними, кто еще оставался от чего-то, что исчезло.

МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Значит, решено. Мы поедem к юго-восточной оконечности Аризоны, где на неопределенное время он останется, точнее, останутся он и мальчик, но где не факт, что останемся мы с девочкой. Мы с ней проедem вместе с ними всю дорогу до места, а в конце лета, вероятно, возвратимся в город. Я закончу свой документальный аудиоматериал о детях-беженцах, а потом мне придется искать работу. Девочка снова будет ходить в школу. Не могла я вот так запросто бросить все и переселиться в Аризону, пока у меня не нашлись бы способ и причина как нитка за иголкой последовать за моим мужем в его новом предприятии, не поступаясь при этом собственными планами и проектами. При этом пока не было ясности, правда ли он захочет, чтобы и после нашей поездки я следовала за ним по жизни.

«Я», «он», «мы», «они», «она»: местоимения беспрестанно сменяли одно другое в путаном синтаксисе нашей речи, пока мы обсуждали условия переезда. Теперь мы обо всем говорили с опаской, даже о самых тривиальных вещах, к тому же смягчали выражения, точно наши языки вдруг заходили на цыпочках, обуянные чуть ли не параноидальным страхом поскользнуться и рухнуть на ставшую вдруг очень зыбкой почву нашего семейного бытия. Энн Карсон¹³ в «Сонете умолчания» говорит, что этому ровным счетом ничем не поможешь. Она называет

¹³ Энн Карсон (р. 1950) – канадская писательница, поэтесса, эссеист и переводчик-эллинист, преподаватель классических языков и словесности в университетах Канады и США, переводчик Симонида, Сапфо, Эсхила, Софокла, Еврипида, Катулла.

местоимения «частью системы, что тень гораздо наводит не хуже штор венецианских», хотя, возможно, имеет в виду, что это мы – в смысле люди, а не местоимения – и есть та «часть системы, что тень гораздо наводит не хуже штор венецианских». Но опять-таки «мы» – это местоимение, и, значит, с таким же успехом можно предположить, что «мы» у Энн Карсон означает и то и другое.

Но так или иначе вопрос, в какую сторону окончательная расстановка всех наших местоимений в конце концов переменит нашу жизнь, сделался нашим гравитационным центром. Темным безмолвным ядром, вокруг которого вращались наши мысли и вопросы.

А когда доедем до Апачерии, мы что будем делать? – без конца спрашивал мальчик все последующие недели.

Да, так что будет дальше? – уже позже, когда мы заползали в постель, спрашивала я мужа. Там и посмотрим, что дальше, раз за разом отвечивал он.

Разумеется, в реальности никакой Апачерии сейчас не существовало. Зато она очень даже существовала в сознании мужа и в его книгах по истории XIX столетия и все больше захватывала умы наших детей.

А лошади там будут?

А стрелы там будут?

А у нас там будут постели, игрушки, еда, враги?

Когда уже мы поедем?

Мы отвечали, что на следующий день после десятого дня рождения мальчика.

КОСМОЛОГИИ

Напоследок всего за несколько дней до отъезда в Страну апачей у нас в квартире случилось нашествие муравьев. Больших черных муравьев, формой напоминавших восьмерку и обураваемых прямо-таки патологической страстью к сладкому. Стоило забыть на кухонной столешнице стакан с чем-нибудь сладким – и нате, на следующее утро мы находили с два десятка муравьиных утопленников, павших жертвами собственного гедонизма. Сначала они освоили кухонные поверхности, шкафчики, раковину – излюбленные муравьями места. А потом взялись осваивать наши постели, бельевые комоды, откуда плавно переместились уже на наши локти и шеи. Как-то ночью я просто-таки уверилась, что если достаточно долго пролежу тихо-тихо, не шевелясь, то услышу, как муравьиные полчища деловито шуршат лапками внутри стен и вливаются в незримые вены нашей квартиры. Мы было попробовали залепить все щелочки в плинтусах между стенами и полом клейкой лентой, но через несколько часов она отклеилась. Мальчик выдвинул идею получше – замазать щели детским пластилином «Плей-До», что на какое-то время избавило нас от ползучих оккупантов. Но муравьи вскоре нашли другие лазейки к нам в квартиру.

Однажды утром девочка после душа оставила свои грязные штанишки на полу в ванной, а когда я днем подобрала их, чтобы отправить в бельевую корзину, заметила, что они так и кишат муравьями. В этом мне почудилось что-то вроде глубинного осквернения, дурного знака. Мальчик счел этот казус интереснейшим, а девочка – уморой, да и только. Вечером за обедом дети не преминули доложить своему отцу об этом случае. По мне, так эти зловещие муравьи не предвещают ничего хорошего, порывалась сказать я. Но как объяснишь подобные вещи своим домочадцам, да и вообще кому-нибудь, не выставив себя малахольной? Пришлось поделиться лишь половиной своих мыслей:

Катастрофа.

Муж выслушал детей, покивал и поулыбался, а потом сказал, что в мифологии индейцев хопи¹⁴ муравьи почитаются как священные существа. Муравьи-люди были богами и спасали от ужасных бедствий людей Верхнего мира, уводя их в Нижний мир, чтобы те в довольстве, спокойствии и привольности пережидали, пока не исчезнет опасность и можно будет вернуться в Верхний мир.

Мальчик тут же спросил, от какой такой катастрофы нас спасут набежавшие муравьи.

Я подумала, что это хороший вопрос, тем более что мальчик, сам того не желая, вложил в него некоторую толику ехидцы. Муж важно прочистил горло, но ответа на вопрос мальчика не последовало. Тогда вступила девочка:

Катастрофа – это что?

Что-то очень-очень плохое, объяснил мальчик.

Девочка с минуту молчала, уставившись к себе в тарелку, и в глубочайшей задумчивости разравнивала спинкой вилки горку риса. Потом подняла на нас излучающий необычайную серьезность взгляд и выдала забавную агглютинацию¹⁵, по своей детской прихоти слепляя из слов забавные гибриды, как если бы в нее вдруг вселился дух безвестного немецкого герменевта XIX века:

Муравьи, они вступают к нам стройными рядами, поедают мои верхнемирноштаники, они забирают нас туда, где нет катастроф, а только добрая добыча и жопоприволье.

В каком-то смысле детские речи открывают нам пожарный выход из огня семейных драм, увлекают в свой странный нижний мир, непривычный нам своей кристальной ясностью, свободный от катастроф среднего класса. По-моему, именно с того дня мы чем дальше, тем больше позволяли голосам наших детей заполнять пространство нашего с мужем молчания. Мы дали им волю алхимизировать наши тревоги и печали в подобие спасительного умоисступления: жопоприволье!

Семейные разговоры становятся чем-то вроде языковой археологии. Они строят наш общий мир, наслаиваются один поверх другого, как в палимпсесте¹⁶, придают смысл нашему настоящему и будущему. Но вот вопрос: если когда-нибудь в будущем нам захочется углубиться в наш лично-семейный архив и заново проиграть записи из нашей семейной аудиолетописи, воссоздадут ли они связную историю нас? Целостный звуколандшафт? Или мы услышим лишь звуковой мусор, помехи и обрывки звуков?

НЕЗНАКОМЫЕ ПРОХОЖИЕ

Одно стихотворение в сборнике Уолта Уитмена «Листья травы» с первых дней наших отношений служило нам уртекстом, точнее всего отражающим исходный замысел нашего союза, если хотите, своего рода манифестом нас двоих, и даже сейчас оно по-прежнему воплощает дух и образ нашего общего будущего. Начинается оно с таких строк:

*Незнакомый прохожий! Не знаешь, с какой же тоскою смотрю
на тебя.*

¹⁴ Хопи относят к группе индейских народов пуэбло, проживавших на территории нынешнего Юго-Запада США; ныне они проживают в резервации хопи на северо-востоке штата Аризона. Хопи – сокращенное самоназвание этого народа, что означает «мирные люди» или «мирные малые».

¹⁵ Агглютинация – способ создания нового образа посредством склеивания (соединения) совершенно разных объектов или их свойств, а также период в развитии детской речи, для которого характерны простое склеивание отдельных элементов речи и обозначение одним словом ряда предметов, представлений и т. п.

¹⁶ Палимпсест – так в древности называли рукопись, нанесенную на пергамент поверх прежней соскобленной записи; в метафорическом смысле – культурный текст, созданный на руинах ранее существовавшего и вобравший в себя какие-то из его примет.

Похоже, ты тот, кого долго искал (образ твой приходил мне во сне).

Вероятно, мы прожили жизнь в параллельных мирах:

Перед взором встает это, стоит лишь нам

Пройти друг мимо друга, возмужавшим, и нежным, и непорочным таким.

Ты вырос со мною, и вместе мы были детьми,

С тобою я ел, с тобою делил свои сны...

Стихотворение объясняет, или мы так себе вообразили, почему мы – каждый сам по себе, но, как выяснилось, оба – избрали целью своих жизней записывать голоса незнакомцев. Когда мы записывали их голоса, их смех, их дыхание, нам, несмотря на мимолетность этих соприкосновений, а может быть, как раз в силу этой мимолетности, открывался шанс на близость с ними, уникальную в своем роде: точно мы проживали целую жизнь параллельно и единым мигом с этим незнакомцем. А запись звука, думали мы, в противоположность запечатлению зрительного образа открывала нам доступ к более глубинному, невидимому слою человеческой души, подобно тому как эхолот при батиметрической съемке посылает сигналы сквозь водную толщу и ловит их отражение, чтобы составить точную карту океанских или озерных глубин.

Уитмен заканчивает стихотворение обетом незнакомцу: «Мне стоит стараться, не потерять чтоб тебя». Это обещание постоянства: момент мимолетной близости между мной и тобой, двумя незнакомцами, оставит след, неугасимый отныне и навеки отзвук. И по-моему, во многих смыслах мы сдержали это обещание хотя бы некоторым из встреченных и записанных нами за эти годы незнакомцев: их голоса и истории неизменно возвращаются к нам, тревожа и беря нам души. Но нам и в голову не приходило, что стихотворение Элиота, а особенно его последняя строка, своего рода предостережение и нам самим. Как ни привержены мы были идее коллекционировать моменты близости с незнакомыми людьми, как ни вслушивались со всем жаром обязательности в их голоса, мы даже помыслить не могли, что между нами двумя вдруг медленно начнет разрастаться молчание. Мы и не подозревали, что однажды нам суждено потерять друг друга посреди толпы.

ОБРАЗЦЫ ЗВУКОВ + МОЛЧАНИЕ

За все годы, что мы отбирали и записывали звуки, у нас образовался внушительный архив звуковых фрагментов с рассказами о жизни тысяч незнакомцев, но почти никаких фрагментов, отражающих жизнь нашей собственной семьи. Теперь же, когда мы оставляли позади весь свой мир, мир, что общими усилиями построили, у нас не осталось почти никаких записей, никакого звукового ландшафта нас четверых и как он с годами менялся: как с утра пораньше играет радио, и последние отголоски наших сновидений сплетаются с новостями о кризисах, открытиях, эпидемиях, непогодах; как рычит кофемолка, смальвая в тонкий порошок твердые зернышки кофе; как пыхает конфорка, вмиг выбрасывая кружок ровных язычков пламени, как булькает деловитая кофеварка; как шумит в душе вода при затяжных утренних помывках мальчика под аккомпанемент нетерпеливых понуканий мужа: «Можно там поживее, мы и так уже опаздываем»; растянутые паузами, почти философические разговоры между нами и нашими двумя детьми по дороге в школу; сторожкие шаги прогуливающего урок мальчика в гулкой пустоте школьных коридоров; металлический визг тормозящих на выездах из туннелей составов подземки и наши собственные каждодневные, чаще всего молчаливые мотания по подземке на полевые записи, как в пределах центра, так и в пригороды; многоголосый гомон запруженных толпами улиц, из которого муж своей микрофонной удочкой вылавливал непривычные, чужеродные звуки, выпадающие из общего строя, пока я со своим диктофо-

ном на изготовку останавливала прохожих, чтобы записать их речь, если согласятся, и общий шумовой фон, в котором сливаются все их голоса, их выговоры и их истории; чирканье спички, когда мой муж закуривал, еле слышный шепот втягиваемого с первой глубокой затяжкой воздуха и протяжный свистящий выдох сквозь сомкнутые зубы; ни с чем не сравнимый белый шум, всплывающий над детскими площадками, где играют и копошатся тучи детей, – водоворот из возбужденного гвалта вперемешку с пронзительными разноголосыми воплями и истерическим ревом – и изумительно особенные на общем фоне голоса наших детей; зловещая тишина, что в сумерки сгущается над парками; шелест и треск сухих листьев в парке, сваленных в кучи, под которыми самозабвенно роется девочка в надеждах откопать червяков, клад или хоть что-нибудь, каковые надежды обычно не оправдываются, и под листьями если что и обнаруживается, так только окурки, окаменелое собачье дерьмо и миниатюрные пакетики с застежкой zip-лок, дай боже, чтобы пустые; хлопанье наших курток под порывами злого зимнего ветра; усилия наших ног и ответные скрежеты заржавелых педалей, когда мы по весне едем на велосипедах по тропке вдоль реки; тяжелое перханье в груди, когда мы вдыхаем токсичные миазмы свинцово-серых речных вод, и молчаливое недовольство усердных любителей трусцы и чересчур загостившихся на зимних квартирах канадских казарок; пулеметные очереди приказов и попреков, которые выпаливают нам в спины как на подбор крепкие, тренированные, перешагнувшие в средний возраст велосипедисты-спортсмены: «С дороги!», «Принять влево!»; и им в ответ наши голоса, смущенные и мямлющие: «Простите, сэр, извините, сэр!», а если совсем припекает, то изрыгающие громкие, прочувствованные проклятия в их накачанные спины – жаль, их вечно то обрывают, то относят порывы ветра; наконец, все звуковые лакуны в моменты уединения, когда каждый складывает из кусочков звуковую мозаику мира, следуя своему экспертному разумению, как это сделать лучше всего. Звуки всех и вся, что когда-то окружало нас, производимые нами шумы и тишина, шлейф нашего былого присутствия.

БУДУЩЕЕ

А потом мальчику исполнилось десять лет. Мы повели его в хороший ресторан, подарили заказанные им подарки (следуя его императиву «никаких игрушек»). От меня он получил поляроид и несколько кассет к нему, как для цветных, так и черно-белых снимков. Его отец подарил ему походный набор заправского путешественника: швейцарский армейский нож, бинокль, карманный фонарик и маленький компас. По его просьбе мы также согласились немного отступить от намеченного маршрута и провести следующий день, первый в нашей поездке, в Балтиморском национальном аквариуме. Мальчик в школе делал доклад о знаменитой обитательнице аквариума – пятисотфунтовой¹⁷ морской черепахе Калипсо, когда-то лишившейся переднего лапа, и с тех пор только что не бредил этой черепахой.

В вечер накануне отъезда мы с мужем собрали каждый себе по чемодану и детям тоже разрешили самостоятельно уложить вещи для поездки: мальчик упаковал свои, а девочка – свои. Но как только они легли спать, я перетряхнула и перепаковала их чемоданчики. Детей угораздило собрать более чем неподходящие для путешествия вещи. Форменный кошмар имени дюшановского¹⁸ сюр: полный гардероб крохотных одежек для семейки плюшевых мишек, поломанный световой меч, одинокое колесико от роликовых коньков «Роллерблейд», целлофановые пакетики с застежками-стрелками, набитые ненужной пластиковой всячиной. Вместо этих богатств я положила им настоящие, «человеческие» штаны, настоящие юбки, настоящее белье и все прочее, что полагается, – тоже настоящее. Затем мы составили наши

¹⁷ Около 227 кг.

¹⁸ Марсель Дюшан (1887–1968) – художник, шахматист и теоретик искусства, стоявший у истоков сюрреализма и дадаизма.

четыре чемодана рядом у двери в прихожей, а следом семь коробок и наше с мужем записывающее оборудование.

Покончив со сборами, мы уселись в гостиной и в молчании выкурили одну сигарету на двоих. Я уже нашла, кому сдать нашу квартиру в субаренду, – по крайней мере, следующий месяц ее рассчитывала снимать молодая пара, и теперь наше жилье выглядело больше их, чем нашим. Единственное, на что оказался способен в тот момент мой усталый ум, так это перебирать предшествующие нынешнему переселения с места на место: наш переезд сюда вчетвером четыре года назад; мои и мужа предыдущие бесконечные переселения с квартиры на квартиру; переселения сотен людей и семей, у кого мы брали интервью и чьи голоса записывали на проекте городского звуколандшафта; одиссеи детей-беженцев, чью историю я собиралась задокументировать; и давние, последних чирикауа-апачей, за чьими призраками в погоню вскоре отправится мой муж. Все куда-нибудь уезжают-переезжают, если им так надо, если могут или вынуждены.

И наконец, следующим утром после завтрака мы вымыли последние тарелки и уехали.

Коробка I

§ ЧЕТЫРЕ ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ (7¾ × 5 дюймов¹⁹)

«Сбор материалов»
«Архивирование»
«Коллекционирование»
«Каталогизация»

§ ДЕСЯТЬ КНИГ

Дубравка Угрешич «Музей безоговорочной капитуляции»
Сьюзен Зонтаг «Заново рожденная. Дневники и записные книжки 1947–1963»
Сьюзен Зонтаг «Сознание, прикованное к плоти: дневники и записные книжки 1964–1980»
Майкл Ондатже «Собрание сочинений Билли Кида: стихи для левшей»
Исаму Ногучи, Томас Мессер и Бонни Рычлак «Перемещенные: 20 скульптур Исаму Ногучи из Японии»
Вальтер Беньямин «Радио Беньямина»
Андре Жид «Дневник “Фальшивомонетчиков”»
Энрике Вила-Матас «Краткая история портативной литературы»
Розалинда Краусс антология «Бесконечная ревизия»
Эмили Дикинсон поэтический сборник

§ ПАПКА (ФАКСИМИЛЬНЫЕ КОПИИ, ВЫРЕЗКИ, РАЗРОЗНЕННЫЕ ЗАМЕТКИ, ОБРЫВКИ)

Листы из книги Рэймонда Мюррея Шафера «Звуковой ландшафт»
Графики акустической активности китов (из Шафера)
«Мир звуков», каталог № 1, записи Smithsonian Folkways Recordings
Сколотые страницы статьи Йена Формана «Необычные звуковые ландшафты: к нефункционирующему акустическому сообществу», журнал Organised Sound, том 16, выпуск 3
Статья Кэти Лейн «Голоса из прошлого: приемы композиции в применении речевых записей», журнал Organised Sound, том 11, выпуск 1

¹⁹ Около 19,7×12,7 см.

Маршруты и корни

*Поиски корней – не что иное, как завуалированный способ ходить
вокруг да около.*
Хосе Бергамин

*Когда заплутаешь в дороге,
Натолкнешься на мертвых.*

Фрэнк Стэнфорд

САРГАССОВО МОРЕ

В Балтиморский аквариум мы добираемся только после полудня. Мальчик уверенно ведет нас через толпу прямо к главному бассейну, где обитает гигантская черепаха. Велит остановиться и наблюдать, как это прекрасное меланхоличное создание кругами плавает в своем водном пространстве, напоминая душу беременной женщины – такая же зачарованная, отрешенная, застрявшая во времени. Спустя несколько минут девочка замечает, что у черепахи всего один передний плавник.

А где ее вторая ручка? – спрашивает она своего брата, в ужасе округлив глаза.

Этим черепахам для жизни хватает только одного переднего плавника, потому что эволюция им один и оставила, это называется дарвинизм, уверенно заявляет мальчик.

Мы не совсем понимаем, продиктованы ли его слова тем, что он вдруг повзрослел и хочет оградить сестру от жестокой правды жизни, или просто на свой ошибочный лад переинтерпретирует теорию эволюции. Скорее всего, последнее. Ну и ладно, мы не будем поправлять его. Табличка на стене, которую можем прочесть все мы, кроме девочки, сообщает, что черепаха потеряла плавник в Лонг-Айлендском проливе, где ее одиннадцать лет назад спасли от гибели.

Одиннадцать... ничего себе, всего на год больше, чем мне! – возбуждено восклицает мальчик, хотя привык сдерживать свои порывы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.